

УДК 930.1

А. ЛАВДЖОЙ О ЗАДАЧАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Продемонстрировано, что интеллектуальная история А. Лавджоя ассоциируется им с историей идей. Отмечается, что предлагаемый А. Лавджоем подход заключается в исследовании универсальных идей-единиц, функционирующих на протяжении всего становления знания и использующихся как составные элементы в более сложных конструкциях теорий и различных учений.

Ключевые слова: *интеллектуальная история, идея, принцип изобилия.*

Интеллектуальная история является одним из актуальных современных направлений междисциплинарных исследований. Отцом-основателем истории идей, отождествляемой с интеллектуальной историей, является Артур Лавджой. История идей относится к числу «мягких методологий», она направлена не на разделение, а на объединение гуманитариев, изучающих традиции и тенденции интеллектуальных процессов [4, с. 11–12]. Цель Лавджоя состояла в постижении динамики истории, прослеживании закономерностей исторического развития, обнаружении и исследовании идей-единиц, которые являются движущими силами истории.

Историографические взгляды Лавджоя формировались как альтернатива господствующим в его время в США историческим концепциям; его не устраивали ни гегелевская парадигма, объясняющая историю развитием духа, ни ее вариации, ни социоисторизм Д. Дьюи. Методологический холизм Лавджоя, опирающийся на дарвиновскую теорию эволюции, стал одной из основ понимания динамики исторического процесса [5, с. 153–155]. По мнению К. Даффин, интеллектуальная история Лавджоя является «эмерджентной и эволюционной», позволяющей осуществлять перестройку идей-единиц внутри идейных комплексов [10]. Д.Дж. Кун, в свою очередь, характеризует идеи-единицы Лавджоя как «неисторические» и «неоплатонические универсалии», рассматривая их как противоречащие взгляду, согласно которому концептуальные системы являются сходными эволюционирующим видам [9, р. 497].

Центральной работой Лавджоя, посвященной интеллектуальной истории, является «Великая цепь бытия» (1936). Со времени ее публикации подход к интеллектуальной истории Лавджоя, его категоризация «идеи» и концепция истории идей, заключающаяся в изолировании и изучении перемещающихся во времени универсальных идей-единиц, выступающих как модули в конструкциях различных теорий и учений [2], являются дискуссионными. Некоторые исследователи указывают,

что интеллектуальная история Лавджоя опирается на определенные интеллектуальные или когнитивные компоненты, которые противостоят изучению исторических изменений и культурных особенностей. К примеру, Ф. Оукли указывает, что при всем своем прежнем признании «Великая цепь бытия» сейчас вызывает скорее стремление ее отвергнуть, нежели желание прочесть [16, р. 14]. Другие исследователи, наоборот, указывают на значимость данного произведения в связи со стремлением автора концептуализировать проблемное поле интеллектуальной истории. К примеру, Р. Рорти предлагал отказаться от традиционного «описания существовавших мнений» в пользу многообразной интеллектуальной истории. Объектом изучения в этой связи будут состояния знания и общая интеллектуальная атмосфера исследуемой эпохи [17].

По словам Л. Катана, идеи-единицы Лавджоя представляют собой не принципы, составляющие философские системы, а, скорее, автономные «ментальные сущности». Более того, в оценке Катана, история идей как междисциплинарная область знаний может существовать и помимо философии, например, в контексте наук, сосредоточенных на изучении фактов, что лишает ее статуса объективного порождения философских поисков начала XX в. [8, р. 84]. Катана указывает, что методологическая позиция Лавджоя была «скорее риторической декларацией, предназначенной для того, чтобы вызвать в умах читателей убежденность, что история идей отличается от истории философии и поэтому заслуживает институциональной независимости», нежели адекватным описанием метода [7, р. 93]. По словам М. Мандельбаума, критикующего концепцию Лавджоя, некоторые идеи просто повторяются, а не являются непрерывными, и могут возникать совершенно независимо от того, в каких формах они ранее существовали [14, р. 202].

Одним из закономерных вопросов, возникающих при прочтении Лавджоя, является статус «идей-единиц»: неизменны и постоянны ли они, подвержены ли внутренним изменениям, как они возникают и могут ли они исчезнуть. Л. Минк указывал, что одной из проблем является соотношение «идей-единиц» и представлений Лавджоя об исторических изменениях. Минк дифференцирует две предполагаемые концептуальные системы: концептуальную систему, в рамках которой концепт «идей-единицы» понятен – это концептуальная система, связанная с нашим опытом и пониманием физических вещей. Однако данная система не согласуется с концептуальной системой, в рамках которой понятно его объяснение «действующих сил», – это концептуальная система, связанная с опытом и пониманием человеческих мыслей и чувств. По сути, Минк «раздваивает» мысль Лавджоя: концепция, связанная с действующими силами, объясняет, почему существует история идей; но его учение о составляющих элементах характеризует идеи таким образом, что они (подобно физическим константам или числу) вообще не могут иметь историю, т. е. претерпевать развитие и изменение [15]. Другими

словами, когда мы говорим об изменении в истории идей, мы имеем в виду, что это развитие комплекса идей, а не класса идей-единиц, члены которого не могут измениться. Мы просто говорим, что есть история изменения в идеях, но это внутреннее изменение, или «развитие», происходит только в одном классе идей, идейных комплексов, а не в классе идей-единиц, члены которого не могут измениться из-за принадлежности к этому классу. Таким образом, возникает проблема онтологического статуса идей-единиц.

К. Скиннер, один из оппонентов Лавджоя, указывал, что характерной отправной точкой его рассуждений является изложение идеального типа доктрины – будь то равенство, прогресс, разум, общественный договор, «Великая цепь бытия», разделение властей и т. д. Опасность такого подхода состоит в том, что доктрина, которую так легко исследовать, превращается в целостность. Поэтому становится достаточно просто утверждать, что развитая форма доктрины всегда была, в некотором смысле, имманентной в истории, даже если различные мыслители не смогли ее обнаружить, изложить и интерпретировать. Скиннер утверждал, что Лавджой не имеет дело с фактическим использованием идеи в ее лингвистическом контексте и поэтому может упустить из виду ее историческое значение, игнорирует действия и намерения, создавая в воображении историю не идей, а абстракций. Более того, Скиннер расширяет свою аргументацию, отмечая, что даже если исследователь чувствителен к различиям в использовании слов в контекстах, одно и то же слово может использоваться по-разному в одном и том же контексте. Поскольку Лавджой не обращает на это внимания, то, по мнению Скиннера, его интеллектуальная история должна быть подвергнута ряду критических замечаний [18, р. 29–31]. Однако, как представляется, Лавджой осознавал необходимость учитывать различия между контекстами, признавая, что интеллектуальному историку зачастую приходится действовать и мыслить в таких концепциях, которые чужды привычным способам мышления его современников. По его словам, историческое понимание даже нескольких великих писателей эпохи невозможно без знакомства с общим фоном их интеллектуальной жизни и общепринятыми морально-эстетическими оценками того времени. Как утверждал Д. Викберг, пересмысливший воззрения Лавджоя в терминах структурализма, его идеи представляют собой «не только картину, но и рамку», Лавджой решил проблему соотношения текста и контекста, представив идеи в качестве контекста, в котором были созданы тексты [11].

Ключевым понятием интеллектуальной истории Лавджоя является «цепь бытия», используемое им как выражение сущности мифологическо-религиозного понятия «мировое древо». Исследование идей, по его утверждению, немислимо вне учета их связи со способами осознания и выражения. Подобные представления имплицитно содержат достаточно противоречивые идеи, связанные с представлениями об

устройстве мира, конечной ценности, концепциями блага, решением проблемы зла, убежденности, что данная система вещей является интеллигибельной и разумной [3, с. 6].

Лавджой разделяет прагматический взгляд на историю с Д. Дьюи. Он считает, что история необходима, поскольку она является основой всего мышления: «...для всех системы знаний, за исключением упомянутого ложного смысла, – вся наука и весь практический разум – опираются на историю» [6]. Другими словами, исторические сведения выступают как коллективный образ для стабилизации общих знаний и обеспечения основы для мышления.

Под историей идей Лавджой подразумевает что-то одновременно и более специфическое, и менее узкое, чем история философии. Интеллектуальная история, по его словам, представляет собой аналитическое и критическое исследование природы, становления, развития, распространения, взаимодействия и воздействия идей, которые были порождены, рассмотрены и транслированы поколениями людей.

История идей во многом ориентируется на предметы и результаты исследований других отделов истории мысли, однако способы интерпретации представляются иными, поскольку история идей группирует и устанавливает новые связи, рассматривая предметы под особым углом зрения. Подобную процедуру можно соотнести с аналитической химией: «Обращаясь, например, к истории философских доктрин, она проникает в застывшие и незыблемые системы и, в своих собственных целях, делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas). Общее здание доктрины любого философа или школы почти всегда является чем-то комплексным, неким гетерогенным агрегатом – хотя и сам философ зачастую об этом не подозревает. Это здание сложено не только из различных элементов, но и сами элементы эти нестабильны, хотя испокон веков никто из философов не помнит об этой меланхолической истине» [3, с. 9–10]. Лавджой указывает на ограниченное число оригинальных идей, более того, кажущаяся новизна достигается за счет расширения сфер применения и аранжировки составляющих их элементов.

Лавджой не приводит определения идеи в «Великой цепи бытия». В «Журнале истории идей» он характеризует ее следующим образом: это не только мощная, но и упрямая вещь; она обладает своим собственным «особым движением»; история мысли, с одной стороны, представляет собой историю движения и взаимодействия человеческой природы, а, с другой стороны, историю специфической природы и воздействия идей, которые существовали в умах людей [13, р. 23]. Идеи представляют собой синтез общности и разнообразия. Во-первых, они обнаруживаются в самых разных областях истории человеческого мышления и чувств. Во-вторых, преобладание определенных идей не создает единообразия мнений, поскольку интеллектуальные и эмоцио-

нальные реакции людей были весьма разнообразны. В целом Лавджой стремится обнаружить скрытую структуру, которая связывает и организует западную мысль. Идея в интеллектуальной истории является определенной и эксплицитной, состоящей в единственном специфическом предположении или «принципе», провозглашенном большинством значительных европейских философов на ранних этапах становления европейской философии.

Итак, предметом исследования истории идей являются идеи-единицы. Но идея Бога не является таковой: «Между Богом Аристотеля и Богом Нагорной проповеди нет почти ничего общего – но один из самых удивительных и принципиальных парадоксов западной истории состоит в том, что философская теология христианства их отождествляет и называет конечной целью человека подражание им обоим» [3, с. 10–11]. Более того, концепция бытия Аристотеля является только одним из возможных следствий типа мышления, свойственного греческой мысли. Именно этот тип будет той фундаментальной идеей, на которой сосредотачивается историк идей. Комплексами будут и «доктрины или течения, объединяемые суффиксом “изм”, например романтизм, идеализм, прагматизм и т. д. Каждое из них можно разложить на ряд отдельных, причудливо сочетаемых и производных элементов, мотивов и исторических влияний» [3, с. 11].

Лавджой утверждает, что идеи-единицы являются довольно неоднородными, и указывает на четыре различных фактора, влияющих на них: бессознательные ментальные привычки, метафизический пафос, диалектические мотивы, философская семантика. ИмPLICITные или не полностью эксплицитные предпочтения более или менее бессознательные ментальные привычки – это те убеждения, которые представляются само собой разумеющимися, оказывающими воздействие на мысль индивида или поколения, способ мышления, представляющийся естественным, и не требующими обоснования [3, с. 12–13]. Подобные интеллектуальные привычки являются неуловимыми, но способными оказывать влияние на объект любой рефлексии: «...тот или иной доминирующий мыслительный ход, логическая уловка, методологическое предпочтение могут в значительной степени определять мышление индивида, школы и даже целого поколения и, будучи эксплицированы, сводятся к принципиальным, узловым и, возможно, очень спорным логическим или метафизическим предпосылкам» [3, с. 16]. Другим фактором является чувствительность к различным видам метафизического пафоса. Примером «метафизического пафоса» является любое описание природы вещей, окружающего мира в таких понятиях, которые пробуждают своими ассоциациями конгениальное расположение духа или строй чувств у философа или его читателей [3, с. 16]. Философская семантика представляет собой «анализ сакраментальных понятий и выражений того или иного периода или течения, прояснение их двусмыс-

ленностей, перечисление различных оттенков значения и изучение того, как неясные ассоциации идей, возникающие из этих двусмысленностей, влияли на развитие доктрин и подталкивали незаметную трансформацию одной модной мысли в другую, порой полностью ей противоположную» [3, с. 19]. Кроме того, история идей представляет собой попытку исторического синтеза, что подразумевает обращение к функционированию определенного набора исторических факторов, в той степени, в которой возможно заметить его реализацию в различных областях интеллектуального мира [3, с. 21]. Более того, идеи, существующие на страницах серьезной литературы, являются одними из проявлений элементов концепций философских систем.

Таким образом, главной задачей историка идей является поиск изначальных проявлений некоторой концепции или предположения в той или иной философской или религиозной системе, в научной теории, литературе и искусстве [3, с. 22]. Кроме того, история Лавджоя стремится проникнуть в целостное культурное сознание, захватывая при этом и его область подсознательного [1].

Следует упомянуть еще одну особенность истории идей в понимании Лавджоя – она обращается к «проявлениям тех или иных идей-единиц в коллективной мысли больших групп людей, а не только в учениях или мнениях небольшого количества глубоких мыслителей или знаменитых писателей. Она стремится обнаружить действие факторов, выделяемых ею в верованиях, предрассудках, добродетелях, чаяниях, вкусах, бытовавших среди образованных классов, быть может, поколениями» [3, с. 25]. Еще одной задачей исследования истории идей является попытка применения аналитической методологии для исследования процессов рождения и распространения новых верований, веяний, идей, а также изучения того, почему одни учения уходят с исторической сцены и сменяются другими.

Предметом анализа Лавджоя является «Великая цепь бытия» – одно из ключевых западных учений, рассмотренное как в совокупности ее принципов, так и по отдельности. Лавджой стремится не только исследовать исторические источники и рассмотреть пути их пересечения, выявить следствия распространения влияния данных идей в самых различных областях – в религии, метафизике, науке, искусстве, морали, политике; зафиксировать воздействие на человека [3, с. 25]. Стремясь определить идеи-единицы, составляющие данную концепцию, он сосредоточился на предположении, что вселенная являет собой полную форму, в которой исчерпывающим образом иллюстрируется диапазон возможного разнообразия видов живых существ. Тем самым фактически он концентрируется на исследовании одного из принципов, составляющих «Великую цепь бытия», – принципе изобилия, реконструируя его с максимально возможной культурологической полидисциплинарной широтой, ярко и выразительно. Сам по себе принцип изобилия восходит к

философии Платона – это, по сути, понятие полноты реализации того, что мыслится как возможное. Лавджой определен принцип изобилия как осуществление «концептуальной возможности в действительности» и исследовал предположение, которое приводило к мысли, что «существование всех возможных существ во все времена является следствием божественной природы». Принцип изобилия фигурирует на протяжении всего становления философской мысли, от Платона и Абельяра до Лейбница и Спинозы, и в Новое время сливается с принципом достаточного основания. Характерной особенностью принципа изобилия, по мнению Лавджоя, является акцент на полноте творения и разнообразии жизни в нем: божественный Демиург создал всевозможные темпоральные существа в мире, или, другими словами, мир содержит ровно столько несовершенных существ, насколько это является возможным. Данный принцип подразумевает законченность и полноту той последовательности форм, реализация которой была главным предметом заботы Бога при творении мира. Второй принцип – непрерывности – является логическим следствием принципа изобилия и подразумевает под собой мышление в терминах непрерывности, взаимоперехода, взаимообъединения. Третий принцип – иерархии – вдохновленный Аристотелем, понимается как существование иерархического порядка в непрерывности существующего и позволяет расположить вещи в едином порядке совершенства: «...все вещи могут быть упорядочены согласно степени, в которой они поражены потенциальностью» [3, с. 61].

Тем самым сформированная «Великая цепь бытия» является упорядоченной и логичной, а выпадение хотя бы одного звена из нее ведет к нарушению «связности» мира. Я. Хинтикка поставил под сомнение то, как Лавджой использовал концепцию идеи-единицы в теории и практике. Его аргументация апеллировала к принципу изобилия: поскольку наиболее ярким примером идеи-единицы Лавджоя на самом деле не является таковая, то сама их возможность должна быть подвергнута сомнению. Принцип изобилия, по словам Хинтикка, по-первых, представляет собой совокупность элементов, а во-вторых, подразумевает под собой различные следствия в зависимости от контекста [12]. По мнению М. Грамма и Р. Мартина, принцип изобилия скорее следует рассматривать как «класс законов, обладающих структурным сходством» [11, р. 511]. Д. Уилсон указывает, что фраза «идея-единица» представляется выбранной неверно, поскольку речь идет скорее о семейном сходстве [19, р. 175–176].

Концепция «Великой цепи бытия» распространялась на протяжении всего развития философской мысли и в XVIII в. получила самое широкое распространение и общее признание [3, с. 189]. Из анализа общих условий возможности знания И. Канта следует, что концепция «цепи бытия» в ее полноте и строгой непрерывности есть основополагающий «идеал разума». Он никогда не может быть окончательно до-

стигнут, но наука может надеяться и должна искать в его постепенном прогрессе предъявления все новых и новых эмпирических свидетельств. Важнейшим событием мысли XVIII в. стала «темпорализация» цепи бытия, заключающаяся в усилиях по предельному умножению разнообразия, и, по сути, платоновская картина мира оказалась в итоге полностью перевернутой. Не только цепь бытия, прежде понимавшаяся как изначально законченная и неизменная, превратилась теперь в процесс становления, в котором все подлинные возможности подлежат реализации шаг за шагом, в ходе длительного и медленного развертывания во времени; теперь даже сам Бог стал отождествляться с этим становлением [3, с. 333].

В целом Лавджой стремился обнаружить скрытую структуру, которая связывает и организует всю западную философскую мысль. Его подход заключался в исследовании универсальных идей-единиц, функционирующих на протяжении всего становления знания и использовавшихся как составные элементы в более сложных конструкциях теорий и различных учений. Тем самым идейные комплексы и системы, сами по себе, становились материалом, на основе которого вычленялись идеи-единицы. Главная задача историка идей состояла в поиске изначальных проявлений некоторой концепции или предположения в той или иной философской или религиозной системе, в научной теории, литературе и искусстве, описании ее манифестаций на всех стадиях исторического развития.

В области интеллектуальной истории, по мнению Лавджоя, действует ряд факторов: бессознательные ментальные привычки, метафизический пафос, диалектические мотивы, философская семантика. Его интересуют как сами скрытые допущения, так и сложившийся вследствие влияния этих «мыслительных привычек» некий привычный ход рассуждений, характерные логические приемы и методологические допущения, которые доминируют в мышлении конкретного индивида, философской школы, целого поколения или эпохи. Предметом анализа Лавджоя является «Великая цепь бытия» – одно из ключевых западных учений, рассмотренное им как в совокупности ее принципов, так и по отдельности. Фактически же он концентрируется на исследовании одного из принципов цепи бытия – принципе изобилия, восходящем к философии Платона. Двумя другими основополагающими принципами являются принцип непрерывности и иерархии. Стремясь проследить происхождение определенных идей, их траектории движения и распространения в различных исторических областях, Лавджой приходит к выводу о неудаче развития истории идеи цепи бытия, в силу того, что она предполагала полное рациональное понимание мира. Идея не в состоянии охватить полную характеристику объектов, но в рамках интеллектуальной истории возможно проанализировать формирование и транслирование идей-единиц, оказывающих влияние на развитие мысли в пространстве и времени.

Список литературы

1. Визгин В.П. К обновлению истории философии: размышление ad hoc [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-obnovleniyu-istorii-filosofii-razmyshlenie-ad-hoc> (дата обращения: 02.01.2020).
2. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI века. 2008. № 4. С. 288–302.
3. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
4. Репина Л.П. Историческая теория после «культурного поворота» [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/57078670-Vmestopredisloviya-l-p-repina-istoricheskaya-teoriya-posle-kulturnogo-povorota.html> (дата обращения: 02.01.2020).
5. Хлуднева С.В. Об очерке Артура Лавджоя «Историография идей». [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page49921167.htm> (дата обращения: 02.01.2020).
6. Barte S.J. Dewey J. Historiography, and the Practice of History [Electronic resource]. URL: <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3211&context=etd> (accessed: 02.01.2020).
7. Catana L. Lovejoy's Readings of Bruno: Or How Nineteenth-Century History of Philosophy Was «Transformed» into the History of Ideas // J. of the History of Ideas. 2010. V. 71, № 1. P. 91–112.
8. Catana L. The Concept «System of Philosophy»: The Case of Jacob Brucker's Historiography of Philosophy // History and Theory. 2005. V. 44, № 1. P. 72–90.
9. Coon D.J. Of Gold and Pyrite // Biology and Philosophy. 1990. № 5. P. 493–501.
10. Duffin K.E. Arthur O. Lovejoy and the Emergence of Novelty // J. of the History of Ideas. 1980. № 41. P. 267–281.
11. Gram M.S., Martin R.S. The Perils of Plenitude: Hintikka contra Lovejoy // J. of the History of Ideas. 1980. № 41. P. 497–511.
12. Hintikka J. Gaps in the Great Chain of Being: An Examination in the Methodology of the History of Ideas // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1976. № 49. P. 22–38.
13. in the History of Ideas. New-York: Continuum, 2005. 144 p.
14. Lovejoy A.O. Essays in the History of Ideas. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1948. 376 p.
15. Mandelbaum M. On Lovejoy's Historiography // The History of Ideas: An Introduction to Method / ed. By P. King. London: Croom Helm, 1983. P. 198–210.
16. Mink L. Change and Causality in the History of Ideas // Historical Understanding / ed. B. Fay, E.O. Golob and R.T. Vann. Ithaca, New-York: Cornell University Press, 1987. P. 7–25.
17. Oakley F. Natural Law, Laws of Nature, Natural Rights: Continuity and Discontinuity. New York: Continuum Press. 2005. 143 p.

18. Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History. Essays on the Historiography of Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 49–75.
19. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. № 8. P. 3–53.
20. Wilson D.J. Lovejoy's the great chain of being after fifty years // Journal of the History of Ideas. 1987. V. 48, № 2. P. 187–206.

A. LOVEJOY ON THE TASKS OF INTELLECTUAL HISTORY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article reveals that A. Lovejoy's understanding of intellectual history tasks is associated with the history of ideas. His approach to this area is based on the study of universal unit-ideas that function throughout the formation of knowledge and are used as components in more complex constructions of theories and various conceptions.

Keywords: *intellectual history, idea, principle of plenitude.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru